

БОРИС КУВШИНСКИЙ

Православие в Японии: особенности миссии свт. Николая Японского

*Доклад на конференции «Миссия Русской православной церкви»
(Бозе, сентябрь 2006 г.)*

В истории Российской церкви, довольно богатой миссиями в XIX – начале XX в., место свт. Николая (Касаткина) и основанной им Японской миссии совершенно особое. Эта миссия, возникнув исключительно по его личной инициативе, «с нуля», в условиях запрета на принятие христианства под угрозой смертной казни, стала чрезвычайно известной и в России, и за рубежом, а сам свт. Николай со временем стал наиболее известным из иностранцев в Японии и удостоился от императора высоких почестей. Выдающийся миссионер, катехизатор, переводчик, пастырь, ученый и епископ «приобрел для Господа» за годы своего служения более 34 тысяч христиан – благодаря беспримерным усилиям, практически без русских помощников и при скудном финансировании. Свт. Николаем были созданы лучший в то время перевод Нового завета на японский язык, величественные храмы, в том числе и «Николай-До» – возвышающийся над императорским дворцом собор Воскресения Христова на холме Суругадай в центре Токио. Им и его сотрудниками было издано множество книг на японском языке, создано несколько школ для японских служителей, основана система катехумената, осуществляемая более чем 120 местными катехизаторами.

Конечно, все сказанное не означает, что миссия свт. Николая не знала серьезных проблем и кризисов. Прежде всего, Японская церковь, развиваясь административно практически независимо от Российской, тем не менее унаследовала от нее целый ряд церковных болезней «константиновской» эпохи. В результате этих болезней церковь в Японии (даже не будучи сама связана с государством) после смерти архиеп. Николая почти сразу потеряла свою миссионерскую активность.

Этот доклад – попытка взглянуть в тайну личности великого миссионера и тайну его встречи с Японией, а также понять, как особенности его миссии сказались на истории православия в этой стране.

Иван Дмитриевич Касаткин (1836–1912) родился третьим ребенком в бедной семье дьякона в селе Береза Смоленской (ныне

Тверской) губернии. Прекрасно закончив местное духовное училище, а затем Смоленскую семинарию, он поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию, где принял монашество (с именем Николай) и священство. Случайно прочитав объявление о приглашении священника в русское консульство в северояпонский порт Хакодате, свт. Николай неожиданно услышал Божий призыв поехать в Японию миссионером и остался ему верен, за 51 год служения ни разу не поддавшись искушению покинуть Японию. По пути в Японию в 1860–61 гг. он был вынужден зимовать в Благовещенске, где ему посчастливилось встретиться с другим великим миссионером, свт. Иннокентием (Вениаминовым). Из дневников свт. Николая * видно, насколько значимыми для него стали эти встречи долгими воскресными вечерами и как личный опыт просветителя Аляски и Сибири сказался на миссии в Японии. Преемственность деятельности этих миссионеров можно ощутить, читая наставления Иннокентия (Вениаминова) для священников-миссионеров. Однако образы двух великих миссионеров весьма различны.

Облик свт. Николая особенно явно виден из обстоятельств самой его встречи с Японией. Призванный туда в 24 года, он представлял Японию невестой, ждущей Благой вести с цветами в руках. В личности свт. Николая необычно сочетаются идеализм и юношеский романтизм, патриотизм и консерватизм с предельной трезвенностью, аккуратностью, редкостным чувством меры, а прямотою, простота и любовь к простому народу – с умом, сдержанностью и годами отточенной твердостью. Характер его отличался горячностью и гневливостью – но при этом о. Николай был сострадательным и милосердным, а любовь к церкви не препятствовала его свободному, подлинному интересу и любознательности по отношению к другим странам и народам. Он довольно сильно меняется за долгий срок духовного служения, испытал многие горести и разочарования, однако его облик остается вполне узнаваемым.

Годы борьбы за жизнь церкви, участие в деле Божьего домостроительства – при всей консервативности его представлений и пристрастий – дают свт. Николаю неожиданно широкий кругозор и свободу. Многолетний опыт несбыточных надежд и разочарования в людях усилили все его «деловые» качества, сделали его скрытным, даже пессимистически настроенным – и это оборотная сторона его всегдашнего идеализма.

Свт. Николай с юности отличался не только академическими способностями и интересами, но и простотой в общении с людьми, обладал острым чутьем к красоте природы, хорошим музыкальным, художественным и стилистическим вкусом. Он был очень хорошим оратором и к тому же был замечательно лингвист-

Б. Кувшинский
• *Православие в Японии: особенности миссии свт. Николая Японского*

* Дневники св. Николая Японского: В 5 т. / Сост. К. Накамура. СПб., 2004.

*Работы
студентов
по кафедре
МКГ*

*• Миссия
и миссионеры*

тически одарен. Также свт. Николай отличался поистине невероятной трудоспособностью: почти всю жизнь вставал в 4, а потом и в 3 часа утра для работы с корреспонденцией и ежедневного знакомства с японскими, русскими и даже мировыми новостями.

Он был преданным рыцарем своей страны, но при этом сумел глубоко принять и совсем не похожую на Россию Японию, даже несмотря на то, что она сразу разрушила все его юношеские надежды. Оставив их, о. Николай взял в руки учебники и газеты и начал по 14 часов в день заниматься японским языком. Величие Японии, вне всякого сомнения, потрясло его. На японском он прочел «Историю Сёгуната» (22 тома), «Историю Великой Японии» (243 тома) и японские хроники. Аллея Уено в Токио, усыпальница героев древности и сёгунов, стала его излюбленным местом размышлений, по его собственным словам, «аллеей-советницей». Еще в своих ранних работах о. Николай открывал читателю подлинный облик Страны восходящего солнца, написав, в частности, краткую историю средневековой Японии (более похожую на боевой рыцарский роман). Он опровергал устоявшиеся представления о деспотичности ее правителей, о хитрости, коварстве и раболепии японцев. Отец Николай увидел их доброту, достоинство, разумность, изобретательность, вежливость – черты, воспитанные «тремя няньками японского народа» – буддизмом, синтоизмом и конфуцианством.

Свт. Николай писал, что с наступлением новой исторической эпохи в Японии, с отступлением традиционных религий для страны наступит тяжелое время религиозного и этического вакуума, преодолеть который будет возможно только принятием христианства, сплотившего мир и подарившего ему нормы нравственности. Он считал, что через западные страны Дух Христа просвещает и Японию, но, поддавшись искушению благополучием, материализмом и империализмом, Япония может ступить на неверный путь, погнаться за Западом, как ребенок, – и потерять себя и свое уникальное лицо.

Сам он интересовался и изучал местные религии начиная с первых лет своего служения, так что многие бонзы и самураи стали его приятелями или учениками. Свт. Николай – как мало кто из европейцев – прожил в Японии целую эру, поскольку он приехал в Японию в драматичное время смены правящей династии, гражданской войны и открытия страны после более чем двухсотлетнего перерыва. Он катехизировал, крестил и после обучал представителей всех сословий в эту бурную эпоху. Его первые ученики, будущие катехизаторы и священники – почти сплошь горячие сторонники проигравшего сёгунского режима, противники нововведений, в подавляющем большинстве обедневшие самураи, аристократы, интеллигенция – начинают проповедо-

вать христианство, видя в нем возможность возрождения уходящей старой Японии. Сендай, бывший столицей Японии при сёгунах, становится важнейшим центром православной проповеди.

Служение свт. Николая, как и других великих миссионеров, отличает глубокая личная вера в Бога и человека, горячая любовь к Церкви, желание исцеления и преображения людей, бескорыстная многотрудная деятельность по проповеди Евангелия. И для него характерна целожизненная, всепоглощающая жажда следования за Духом Святым, но и внимание к каждому конкретному человеку, желание сделать для него все, что только возможно («ищу не вашего, а вас»¹), или, как он выражал это сам, «сначала завоевать любовь, а потом все остальное». Как и для многих миссионеров, для него характерна растущая ответственность за все стороны миссии, приводящая к глубокому видению проблем жизни церкви, с которыми он стал бороться.

Б. Кувшинский
• Православие
в Японии:
особенности
миссии
свт. Николая
Японского

¹ 2 Кор 12:14

Но каковы особенности миссии свт. Николая?

1. Отец Николай, приехав в Японию как простой священник консульства, совершенно сознательно увидел свою цель в апостольском служении, т. е. в приведении ко Христу всей Японии, всего японского народа. Его приезд совпал со временем «открытия» страны, через несколько лет приведшей к ее политической и духовной переориентации, давшей миссионерам всех конфессий невиданные возможности. Скупые отрывки писем и отчетов этого времени отражают стремительный рост церкви: в 1869 – 3 крещенных, в 1879 их 4 тысячи, в 1889 – 15 тысяч! В обстоятельствах рождения многочисленных общин о. Николаю везде видны «многие действия и пути Благодати Божией... как отражения Светила... в каплях воды» (Дневники. Т. 3. С. 134). Ему очевидно, что Бог сам ведет свою Миссию, поскольку первое поколение учеников поистине возвращает его в апостольскую эпоху. Позднее он будет стараться, чтобы эти свидетельства явного Божьего действия были записаны и не пропали со смертью этих первых свидетелей.

Действия о. Николая соответствуют его представлениям об начальном распространении христианства – он ориентируется прежде всего на апостольское свидетельство о жизни древней церкви. В частности, проповедь Евангелия должна начаться сначала в крупных городах, с обязательным духовным «завоеванием» столицы – а лишь затем в провинции. «Преыдущие 10 лет прошли для северо-востока Японии. Наступающие десять лет должны быть употреблены преимущественно для юго-запада. Это общая мысль будущих десяти годов», – пишет он в 1882 г. в своем дневнике (Дневники. Т. 2. С. 115). Ключевым моментом христианизации Японии должно было стать обращение императора (однако этой цели ему достигнуть не удалось). Изначально

расчет делался на обращение светской и, отчасти, духовной аристократии и интеллигенции («тех, кто может и других научить»¹), однако без малейшего гнушения простыми и бедными людьми, о которых Николай имел особое попечение. Хотя его подход включал групповые методы миссии и катехизации, воцерковления людей через детей, целыми домами, однако целью было именно личное обращение, катехизация и восполнение научения после крещения. Уверенность в возможности успешной христианизации Японии привела к созданию монументальных, долгосрочных построек, высококачественных переводов, к стремлению передать возможно более глубокий слой православной традиции. Изначально свт. Николай очень оптимистично настроен, предполагая, что Япония примет православие в ближайшем будущем.

Однако по мере появления новых вызовов времени – растущего нигилизма, материализма, империализма, секуляризма, обострения русско-японской нетерпимости, с которой он боролся всю жизнь, а также роста нерешенных проблем в самой церкви, оптимистические надежды его гаснут. Внутренние проблемы оказываются на пороге XX в. даже более опасными для церкви, чем проблемы времени. Финансовая несамостоятельность, двоеверие, институционализация духовных служений и потребительство и, главное, инфантильность, несамостоятельность помощников и отсутствие реальных преемников гнетет его в старости и практически отнимает надежду. В разговорах с внешними ему обычно проще вовсе не признавать себя миссионером: «...я не более как спичка, которою зажгли свечу: спичка после этого сама гаснет, и ее бросают на землю, как ни на что не годную» (Дневники. Т. 4. С. 242). В разговорах он утверждает, что православная проповедь потому успешна, что она стоит на твердых апостольских основаниях, которые сами способствуют благовестию (и даже ведут его!) – несмотря на отсутствие служителей из России. Но даже при крушении надежд на быструю христианизацию Японии ни напряженность, ни направление усилий не меняются до последних дней жизни миссионера.

2. Разнообразии форм и методов миссии в Японской церкви является отражением миссионерского императива во всей деятельности свт. Николая. Так, на вопрос своего сотрудника и возможного преемника архим. Сергия (Страгородского), будущего патриарха, кончить ли ему обработку академического сочинения (знаменитой магистерской работы «Православное учение о спасении») свт. Николай отвечает: «Да, если его потом с пользой для Японской церкви можно будет перевести на японский, ибо теперь вся жизнь его и все дела должны быть измерены масштабом: “Будет ли это полезно для распространения христианской веры в Японии?”» (Дневники. Т. 2. С. 555–556.). Свт. Николай рассматривает

все типы собраний, служений, изданий и вообще действий христиан прежде всего с позиции их пользы для благовестия. Как миссионер, он проявляет изобретательность, исключительный деловой и административный, педагогический и пастырский, писательский и проповеднический талант. Он записывает все пришедшие ему удачные для миссии церкви мысли, запоминает все находки, виденные им в провинциальных общинах, добиваясь их обязательного принятия во всех остальных общинах. Люди, разделяющие со свт. Николаем миссионерские заботы, сами собой становятся ему братьями по духу. В поиске наилучшего для церкви в каждом конкретном случае он во многом начинает ощущать ограниченность и даже опасность для жизни церкви синодальной и «константиновской» ее организации. Миссионерское видение открывает ему двусмысленность положения церкви на родине, он одновременно сердится и мучается от равнодушия к Евангелию со стороны царских особ, Синода и всего народа – но никогда не отрекается от них. Свт. Николай пытается лично повлиять на ситуацию, думает, как реорганизовать Синод, участвует в развитии зарубежных православных миссий. Сам для себя он иногда не может объяснить своих решений, вызванных чуткостью к водительству Духа Святого, – в таких случаях прибегает к чисто человеческой «хитрости»: например, выбирая то или иное решение, может апеллировать к гибкости и многообразию традиций и так ищет пути обхода существующей, но неразумной практики.

Для достижения миссионерских целей в Японии, свт. Николай окружил себя деятельными и способными помощниками и секретарями. В токийской миссии работали редакторский и издательский отделы, существовала корпорация преподавателей семинарии, катехизаторской и женской школ. Миссионерские и катехизические нужды церкви были также основным вопросом соборов японской церкви, на которых присутствовало до 200 служителей и представителей общин. Свт. Николай всячески поддерживал принципы соборности, инициативы, ответственности и рецепции. Его отличало широкое видение цели христианской миссии как имеющей одновременно и личностное, и общинное, и вселенское (экуменическое) измерение. Миссию ведет Бог, постепенно меняя жизнь и просвещая как отдельных верующих, так и укрепляя общины и их свидетельство в обществе и в мире. Единство Церкви, заповеданное Христом, – также цель христиан, и о. Николай многократно размышляет о методах его достижения. Он не снимает с себя церковной ответственности за все эти аспекты одновременно, обретая практически цельное видение христианской миссии, что необычно для его времени.

3. Особое внимание святитель уделял переводам и издательской деятельности. Он считал, что в стране с высокоразвитой

Б. Кувшинский.

• Православие в Японии: особенности миссии свт. Николая Японского

*Работы
студентов
по кафедре
МКГ*
• *Миссия
и миссионеры*

письменной культурой необходимо издание качественной и недорогой христианской литературы. Святитель уделял переводам ровно по 7,5 часов в день в течение почти 30 лет, плодом чего стал лучший для своего времени, многократно отредактированный перевод Нового завета на японский язык. Также он перевел ветхозаветные богослужебные чтения, почти весь круг богослужебных книг (много тысяч страниц сложного поэтического текста). Сотрудники миссии перевели множество книг и брошюр катехизической, просветительской и апологетической направленности, а также произведений русской классической литературы с целью лучше познакомить друг с другом две страны и их народы, и так Япония узнала Пушкина, Толстого, Достоевского, Гоголя, Тургенева, Чехова и многих других.

Переводы свт. Николая отличают особые черты, поскольку в работе он сразу пытается достичь многих целей. В стране с высокой книжной культурой миссия велась благодаря редкому сочетанию (и найденной мере) предельной научной точности, богословской глубины и адекватности перевода, с одной стороны, – с попыткой сделать его понятным для всех верующих, с другой. Эту меру святитель ищет все время, а его переводы являются плодом научной честности, богословского и пастырского подхода. Пастырский подход к переводам (связанный с новым творчеством, иногда с упрощением утонченной традиции), сочетался у него с охранительными тенденциями, что вообще характерно для синодальных миссий. Свт. Николай ищет новые иероглифы (Бог, Дух), а также стремится передать православную специфику понимания Писания. Также он дополняет и сокращает песнопения, объясняя это юностью японского православия: «Я в этом отношении позволяю себе свободу, хотя и с большою осмотрительностью. Делаю перевод не для ученого исследования, а для церковного употребления и назидания верующих. Главная цель у нас [при] возможной точности перевода – хрустальная ясность мыслей... Очевидно, что при этом совершенно непонятное в славянском тексте приспособляется по догадке, а иногда и совсем несколько слов опускается. Пусть потом ученый-исследователь укоряет нас, что перевод не верен. Мы об этом мало заботимся, зато христиане укоряют, что богослужение непонятно» (письмо митр. Макарию 1906 г.).

Изначально свт. Николай активно использовал различные китайские переводы Нового завета, но в определенный момент из-за их плохого качества и допущенных произвольностей он вовсе отказывается смотреть труды, выполненные неправославными переводчиками. Однако в целом в его работе обычно перевешивает не конфессиональный подход, а возможная польза для людей, поэтому при случае он использует все возможные переводы: «Каждый

день истощали все силы перевести хорошо, и каждый день оставались недовольны. Употреблены все меры ясно вразуметь и выразить текст; пред нами были: три греческих текста, два латинских, славянский, русский, английский, французский, немецкий, три китайских, японский, толкования на русском и английском, все-все лексиконы – каждый день, почти каждый час, приходилось копаться во всем этом – словом, добросовестность не нарушена; и при всем том перевод плох, хотя, конечно, лучше китайских и японского... <...> Наш перевод, по крайней мере, ясен, и связь мыслей в нем по возможности соблюдена... Помози, Боже, теперь исправить, что можно!» (Дневники. Т. 3. С. 417).

Так углублялось и христианское научение верующих, и знакомство культур и народов друг с другом, что вело к передаче христианского духа, воплощенного в христианском наследии Византии и Руси.

4. Свт. Николай впервые в Русской церкви создал институт катехумената именно как систему. Он обучил и поставил на служение целый чин катехизаторов-мирян. Они, кроме катехизации взрослых, должны были заниматься миссионерской и гомилетической проповедью, а также предстоять на мирянских молитвенных собраниях в общинах, вести детские воскресные школы, т. е. быть христианской закваской в церкви. Вначале это были добровольные помощники без образования, затем штатные оплачиваемые сотрудники, которые обучались в катехизаторской школе, сдавали квалификационный экзамен, поставлялись на соборах, а после направлялись к желающим христианского научения. Изначально катехизаторы сами проповедовали проходящим по улице (подобно св. Франциску Ксаверию) или приглашали интересующихся с помощью объявлений, но позднее члены местных общин начали сами приводить оглашаемых к проповедникам. Лучшие из катехизаторов становились священниками, в обязанности которых входило руководство жизнью многих местных общин и координация усилий миссионеров-катехизаторов.

С ростом общин наиболее горячие верующие, ревнующие о распространении христианства, начали брать ответственность за миссию в общинах – так оформляется служение «фукёин» («поручителей»), которые должны были помогать катехизаторам, приводить к ним слушающих и наблюдать, чтобы катехизаторы не ослабляли своего усердия. Община могла отправлять молодого человека учиться на катехизатора в «миссийскую школу», а священник и местный катехизатор благословляли это решение. Поставление и назначение катехизаторов происходило на соборах японской церкви, где наиболее авторитетные священники, в прошлом сами служившие катехизаторами, советовались об оптимальном распределении проповедников по местным общинам.

Б. Кувшинский
• Православие
в Японии:
особенности
миссии
свт. Николая
Японского

*Работы
студентов
по кафедре
МКГ*
• *Миссия
и миссионеры*

Кроме штатных, полноценных катехизаторов, существовала еще должность «ходзё» (помощника), в роли которого мог выступать миссионер, еще не получивший полную подготовку. Разбросанные по стране местные общины оказывались заинтересованными в деле проповеди, приводя катехуменов, наблюдая за их воцерковлением, образуя специальные миссионерские собрания – и таким образом способствуя росту и укреплению церкви. Таким образом, жизнь японской церкви многие годы больше зависела от служения местных катехизаторов, чем от иерархических служителей – священников. (Этот опыт можно сопоставить с уникальным опытом католической миссии во Вьетнаме Александра де Родеса, благодаря которому местная церковь успешно противостояла гонениям и при этом росла). Священник в практике свт. Николая – это прежде всего его брат во Христе, старший из катехизаторов, разделяющий с ним ответственность за церковь.

Со временем началось перерождение системы катехумената, вызываемое формализацией и схематизацией пути воцерковления, а также «бюрократизацией» служения катехизаторов, превращения его в работу за деньги. Болезнь развивалась, общинная основа церкви начала остывать и святитель был вынужден использовать методы «оживления», надеясь поправить ситуацию (можно предположить, что он открыл эти методы независимо от протестантов и англикан, обнаружив, насколько благотворно воздействовали на провинциальные общины его посещения в 1870–90-е годы). Тогда же свт. Николай открыл для себя и распространил по Японии ряд способов вдохновения местных общин: воскресные школы для детей, женские, а позднее и мужские «собрания друзей» – «симбоквай». Также он благословлял образование иных собраний в местных церквях – молодежных, евангельских, миссионерских, собраний для сбора денег на церковные нужды. Дополнительно к этим методам «оживления» свт. Николай продолжал регулярно объезжать общины или посылал в них благочинных и активных молодых членов токийской миссии. Эти методы «одухотворения» (термин свт. Николая) христиан он использовал для восполнения недостатков работы служителей.

Качество жизни общины – ее единство, стойкость перед лицом гонений, духовная активность – определяло успех миссии. Зрелые общины с хорошим катехизатором приобретали большое миссионерское влияние в своей местности, особенно если им удавалось добиться хорошего свидетельства от внешних, а то и обратиться кого-либо из людей, имеющих вес в обществе. Женщины также оказывались хорошими миссионерами, и святитель многие годы напряженно искал кандидатов в дьяконы. Однако обычно проповедницы несли свое служение и не будучи облечены никаким саном.

Особое усилие свт. Николай прикладывал к одухотворению самих проповедников, предоставляя им возможность неформального общения и обмена опытом на соборах. Праздничная духовная атмосфера «миссийских школ», впитанная за годы учебы членами молодежного братства, также была, по мнению самого святителя, хорошей христианской закваской для будущих проповедников. Христианские браки, заключенные между выпускниками и выпускницами «миссийских школ», также оказались надежной опорой для служения молодых катехизаторов.

5. Особенностью служения свт. Николая является также значительная общественная и церковная ответственность, сделавшая свт. Николая знаменитым и в России и в Японии – при том, что он не считал необходимым вести общественную деятельность. Придерживаясь строгого различия светской и церковной деятельности, он считал себя призванным заниматься только «духовным». Однако известность пришла к нему помимо его желания, как плод переводческой, издательской, проповеднической, просветительской, храмостроительной, отчасти благотворительной, научной и общественной деятельности. Его многообразная известность оказалась очень полезной для миссии и апологетики православия в Японии. Свт. Николай с досадой тратил драгоценное время на светские мероприятия и общественные выступления, но при этом все же считал необходимым поддерживать знакомства с японскими гражданскими властями, переписываться и встречаться с русскими, приезжавшими в Токио.

В определенном смысле он вел также экуменическую работу, дружил и даже советовался с миссионерами других конфессий, становясь почетным членом их конференций. Значительную часть его записей занимают воспоминания о встречах с протестантами и англиканами (реже с католиками), со многими из которых он дружил, давал советы, признавал их праведность, не скрывал от них проблемы японского православия. Свт. Николай, находясь буквально «на краю света», то есть в самой гуще миссионерского общения, постоянно знакомился с мировыми миссионерскими новостями и чувствовал духовную ответственность за судьбу христианства в Японии, России и даже в других странах. Он много думал о единстве христиан, которое виделось ему возможным только на основе догматического единства, единой Истины, хранимой православным Преданием, и поэтому считал обязательными взаимные усилия по выяснению различий между православными и другими христианами. Сокрушаясь о бездеятельности и равнодушии к проблеме единства христиан родной церкви (а из всех православных церквей, по его мнению, лишь Российская имела реальную возможность заниматься этими вопросами), свт. Николай продумывал конкретные действия. Он

Б. Кувшинский
• Православие в Японии: особенности миссии свт. Николая Японского

считал необходимым изменение образовательной, миссионерской, издательской и внешней политики церкви-матери, реорганизацию ее Синода, постоянные созывы российских соборов, а затем и вселенского, для того чтобы положить твердое основание христианскому единству.

Широкие знакомства и общественная известность свт. Николая оказались необходимы в языческом окружении, чтобы вывести православную церковь из духовного, общественного и культурного «гетто», в связи с опасностью ее маргинализации перед лицом стремительно меняющегося мира на рубеже XIX–XX вв. Свт. Николай пережил в Японии период резкой смены целого ряда эпох – от средневековой до империалистической, а также гонения, русско-японскую войну и в одиночку встретился с крушением старой церковной парадигмы. Поэтому он может быть поставлен в один ряд с церковными подвижниками России, переживавшими подобный же опыт позднее. Свт. Николай за 1–2–3 десятилетия до катастрофы в России, еще до попытки обновления церкви Всероссийским собором 1917–18 гг., еще до начала гонений и явления опыта новомучеников и исповедников российских осознал тяжелый церковный кризис и пытался деятельно его преодолеть в созданной его трудами церкви. Как ее глава и опытный миссионер, он начал бороться с проблемами времени и внутренним грузом противоречий, накопленных за церковную историю.

В одиночку, не имея ни поддержки, ни контроля со стороны Российской церкви, святитель искал верные основания церковного созидания. Преодолевая череду трудностей, он увидел в новых формах действительности явление зла, еще не осмысленного его эпохой. Но найти адекватные ответы для одинокой, оглядывающейся на синодальную и «константиновскую» эпоху, Японской церкви оказалось слишком тяжелой задачей.

История миссии свт. Николая, история православия в Японии, как любое воплощение дара Любви, как бы в миниатюре повторяет всеобщую историю церкви. И этот совсем недавний опыт рождения и жизни локальной церкви позволяет нам с уникальной ясностью увидеть проблемы странствования вселенской Церкви в мире. Поэтому и наследие апостола Японии, как и всякий дар, данный Церкви, открывает ей путь возрождения без повторения ошибок прошлого.